

I.

КЪ А. ДЕМЕРТУ ¹⁾.

(С.-Петербургъ) 16 февраля 1824 г.

Любезный дяденька!

Извините, что такъ долго не писалъ къ вамъ; но никогда не упражнявшись этимъ, я не зналъ, какъ начать оное; теперь желаю вамъ сказать нѣчто о своихъ обстоятельствахъ: третьяго года я получилъ за рисунокъ первую медаль; каждый экзаменъ подаю эскизъ, нынѣ же написалъ программу, изображающую «Блуднаго сына», которая была одобрена на экзаменѣ, но такъ какъ я ее писалъ дома и нахожусь еще въ 3-мъ возрастѣ, то и не получилъ никакой награды. Не стану вамъ описывать странныя мнѣнія (г. Егорова) въ разсужденіи моей работы; скажу только, что слово «не самъ» никогда не истребится у него. Я написалъ груднаго «Моисея, издающаго другой разъ законъ», котораго также выставялъ, и теперь оканчиваю «Іоанна Крестителя (въ ростѣ), проповѣдующаго въ пустынѣ», котораго надѣюсь выставить въ апрѣлѣ, и надѣюсь получить за него ту награду, которую долженъ былъ получить за вышесказанную композицію. Я желалъ бы что-нибудь сдѣлать для васъ своей композиціи, но не придумаю, и потому прошу васъ дать мнѣ идею.

¹⁾ Письмо къ А. Демерту, родному брату матери А. А. Иванова, было напечатано Н. А. Демертомъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1860 г., № 143.

II.

КЪ К. И. РАБУСУ ¹⁾.*(С.-Петербургъ) 27 апрѣля 1829 г.*

Карль Ивановичъ!

Я душевно радовался, имѣя ваши письма передъ глазами, и, разсуждая объ отвѣтѣ, вотъ что мнѣ представилось: званіе ваше и неравенство лѣтъ сильно противоборствовали слову вашему: «мы художники» и, наконецъ, «по упорномъ и долгомъ сраженіи», первое опровергнувъ сильнаго противника, опредѣлило, что я въ отношеніи къ вамъ меньше долженъ имѣть братскаго обращенія, а болѣе почтительности.

Впрочемъ, убѣгая скучныхъ учтивостей, не стану описывать то время, когда вы, пребывая въ Петербургѣ, отторгали мою душу отъ мрачныхъ и непріятныхъ мыслей, которыя теперь рѣдко посѣщаютъ меня; коротко скажу, что пребываніе ваше здѣсь мнѣ доставляло пользу вмѣстѣ съ пріятностью, и потому вы можете себѣ представить, сколько отраднo мнѣ получать отъ васъ письма, которыя называю я подарками.

Правда, я весьма затруднялся, не зная вашего адреса, и потому не пеняйте, что не разговаривалъ до сихъ поръ съ вами. Теперь вы это поправили. Я это время, т.-е. начинаю со страстной недѣли, и теперь все еще веду знакомство съ пластырями, микстурами, порошками и проч.; а досаднѣ всего, что это препятствуетъ теченію моихъ дѣлъ, коихъ срокъ и безъ того коротокъ; впрочемъ, рисунокъ «Бойца» ²⁾, въ величину статуи, почти оконченъ, и я получилъ за него одобреніе отъ членовъ Академіи и президента ³⁾,

¹⁾ Письма къ К. И. Рабусу (№ II—IX) были напечатаны скульпторомъ Н. А. Рамазановымъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1858 г. № 84, и въ „Материалахъ для исторіи художествъ въ Россіи“. (М. 1863), ч. I, стр. 204—212, съ примѣчаніями, которыя воспроизводятся и въ настоящемъ изданіи.

²⁾ Огромный карандашный картонъ, присланный изъ академіи въ даръ Московскому училищу живописи и ваянія, гдѣ и нынѣ находится.

³⁾ Алексѣй Николаевичъ Оленникъ.

также отъ нѣкоторыхъ членовъ Общества ¹⁾, т.-е. «знатоковъ»; но, по странной привычкѣ, я словамъ не вѣрю, хотя и ихъ трудно приобрѣсти, а смотрю на дѣло и тороплюсь ко дню отъѣзда его окончить, — и сей день не ранѣе будетъ, какъ видно изъ рѣшенія Общества, какъ въ концѣ лѣта, ибо, говорятъ, переменна климата много дѣйствуетъ на здоровье; то, дабы меня побережь, за лучшее нашли приноровить прибытіе мое въ Римъ къ глубокой осени. И такъ, Карлъ Ивановичъ, если можно вамъ будетъ подождать до того времени, то вы симъ окажете мнѣ «великое благодѣяніе». Касательно рисунка съ головы Шиллера, то я тотчасъ по выздоровленіи постараюсь вамъ сіе сдѣлать; хотя я и теперь выхожу со двора, но все еще боюсь въ холодномъ циркулѣ ²⁾ заниматься вопреки совѣтамъ доктора. Скажите между прочимъ: въ письмѣ ли вамъ прислать рисунокъ или иначе — какъ придумаете?

(Здѣсь слѣдуетъ нѣсколько строкъ о первой любви Александра Андреевича къ молодой дѣвушкѣ, дочери музыканта Гюльпена, жившаго также въ Академіи ³⁾). Юношѣ Иванову предстояло выбирать женитьбу на любимой дѣвушкѣ или поѣздку въ Италію; но Рабусъ и въ этомъ случаѣ имѣлъ вліяніе на Александра Андреевича и, повидимому, склонилъ его на сторону Италіи, потому что въ этомъ же письмѣ встрѣчаются слѣдующія строки по тому же поводу): Я уже принесъ всеподданнѣйшую благодарность моему разуму, первымъ ощущеніемъ коего я опять-таки вамъ обязанъ. Свидѣтельствуеть вамъ почтеніе нашъ домъ.

Въ заключеніе скажу вамъ новости:

Въ Академіи былъ Государь и, нашедши въ уставѣ ея, что она должна находиться подъ особымъ покровительствомъ Двора, подчинилъ ее Министерству Императорскаго Двора ⁴⁾.

1) Общество поощренія художниковъ.

2) Въ залахъ, выдающихся на круглый дворъ академіи, расположенныхъ по циркулю.

3) Старикъ Гюльпенъ, при помощи своего сына и другихъ артистовъ, обучалъ музыкѣ воспитанниковъ Академіи, изъ которыхъ составлялся цѣлый оркестръ, человекъ въ 25.

4) До того времени Академія находилась подъ вѣдомствомъ министерства

Императоръ подарилъ Академіи двѣ копіи Басина: «Ангель будить и выводить св. Петра изъ темницы» (съ Рафаэля), а другая: «Причащеніе св. Іеронима» (съ Доменикина). Воробьевъ получилъ отъ Государя, за картину «Варна», бриллиантовую табакерку.

Вездѣ кричатъ о романѣ «Иванъ Выжигинъ». Его здѣсь превозносятъ; — и я, бывъ отягченъ недугомъ и чувствуя себя не въ силахъ заниматься серьезнымъ, прочиталъ сіи четыре части, и нашелъ, что Булгаринъ столько же имѣетъ дара описывать пороки, сколько самъ въ нихъ неподражаемъ; въ отношеніи же добродѣтели—во всемъ романѣ чувствуешь натяжку.

III.

КЪ К. И. РАБУСУ.

(С.-Петербургъ) 16-го августа 1829 г.

.....Между прочимъ скажу, что я имѣлъ въ виду четыре случая къ моему отправленію: 1-й, съ г. Ваньковичемъ; но по разнымъ обстоятельствамъ остался онъ навсегда жить въ своемъ помѣстьѣ; 2, съ Іорданомъ; но онъ уже въ Штеттинѣ и ѣдетъ далѣе; 3, съ Лапченко ¹⁾; сіе казалось самымъ вѣрнымъ, но графъ Воронцовъ отложилъ его поѣздку впредь до разрѣшенія и 4, съ вами, Карлъ Ивановичъ, что не только вѣрнымъ мнѣ кажется (судя по вашему ко мнѣ расположенію), но и полезнымъ. Если же судьба своевольная и тутъ мнѣ откажетъ, то совершенно нѣтъ у меня мысли, какъ въ семъ весьма важномъ для меня случаѣ поступить.

Что же касается до рисунка съ головы Шиллера, то онъ уже давно готовъ, но обстоятельства до сихъ поръ весьма

народнаго просвѣщенія. Перемена эта произошла при министрѣ просвѣщенія графѣ Ливенѣ.

¹⁾ Живописецъ Лапченко былъ отправленъ въ Италію графомъ Воронцовымъ, гдѣ написалъ хорошую картину Сусанна, находящуюся въ академіи. По страсти онъ женился на красавицѣ, уроженкѣ Альбано, и уѣхалъ съ нею въ Малороссію; по тамъ его постигло несчастье—онъ потерялъ зрѣніе.

были тѣсны и потому (совѣстно сказать) затрудненіе было въ его пересылкѣ, но съ будущей почтой непременно вы его получите.

IV.

КЪ К. И. РАБУСУ.

(С.-Петербургъ) 13 сентября 1829 г.

Карль Ивановичъ!

Наконецъ я достигъ своей цѣли; Общество рѣшило отправить меня за-границу; но завершеніе сего весьма важнаго для меня путешествія зависитъ отъ васъ, т.-е. отъ васъ зависитъ мое счастье, основаніе коего уже есть существующая дружба. Возьмите на себя трудъ распорядить нашъ путь, ибо я совершенно человѣкъ неопытный въ семъ случаѣ; мнѣнія же людей (совѣтчиковъ) не хочу придерживаться; трудно, не зная дѣла, слушать ихъ совѣты, противорѣчащіе между собою.

Когда мыслю, что Общество приходитъ въ упадокъ отъ усиливающихся недоимокъ, то весьма хочется поспѣшить симъ дѣломъ, т.-е. ѣхать нынѣшнею осенью. Я весьма догадую, что послалъ письмо 16-го августа къ вамъ незастрахованное; за сію вину—до сихъ поръ безъ отвѣта, столь важнаго въ настоящихъ обстоятельствахъ. Изъ послѣдняго же вашего письма я рѣшительно не могъ ничего предпринять въ разсужденіи отъѣзда.

Въ нынѣшнемъ письмѣ вы опять спрашиваете о г. Нотбекѣ. Былъ я у него по вашей просьбѣ; сказывалъ онъ мнѣ, что посылаетъ къ вамъ книги (которыя стоили ему хлопотъ), слѣдовательно и письмо.

Вы знаете, я думаю, что, сколько разъ я ни покушался съ нимъ быть въ нѣкоторой связи, всегда мнѣ не удавалось, и потому буду говорить вамъ, что слышалъ о немъ. Онъ, вмѣстѣ съ Марковымъ, дѣлаетъ одинъ сюжетъ: «Смерть Сократа»; сіи картины рѣшатъ, кому изъ нихъ быть посланнымъ въ чужіе края; впрочемъ, можетъ быть, ихъ пошлютъ обоихъ.

Отвѣчайте мнѣ сколь возможно скорѣе, а я между тѣмъ, сего же дня думаю побывать у графа Кутайсова и просить его, чтобы онъ довезъ меня, если можно, до Малорос-
сiи ¹⁾; впрочемъ, не надѣюсь на успѣхъ.

Батюшка свидѣтельствуемъ вамъ почтеніе и желаетъ, чтобы я скорѣе отправился.

V.

КЪ К. И. РАБУСУ.

(С.-Петербургъ) 24 сентября 1829 г.

Карль Ивановичъ!

Любезныя мнѣ слова, коихъ съ нетерпѣніемъ ждалъ я, имѣлъ удовольствіе читать не прежде 18-го сентября. Изъ всего видимаго, къ моему удовольствію, заключаю, что намъ не прежде весны должно будетъ отправиться; свиданіе мое съ графомъ Кутайсовымъ совершенно сіе подтверждаетъ. Изъ сего вы можете заключить, что письмо ваше, которое теперь держу въ рукахъ, меня ободряетъ надеждою ѣхать вмѣстѣ:—лестная надежда!!

Новыя занятія ²⁾ лишаютъ меня удовольствія говорить вамъ больше; но въ то же время спѣшу замѣтить:—при-
скорбно мнѣ было читать слѣдующее въ одномъ изъ вашихъ писемъ: «Я занимаюсь, говорите вы, нѣмецкой литературой много и пишу лучше, какъ на русскомъ; нѣмцу простятъ». Ваши занятія нѣмецкой литературой могутъ быть полезны нѣмцамъ, которые, какъ вы сказывали, всего имѣютъ въ изобиліи, а мы русскіе... но вы уже сами догадываетесь о чемъ я хотѣлъ продолжать. По крайней мѣрѣ, Карль Ива-

¹⁾ Нужно полагать, что Ивановъ хотѣлъ въ Малороссiи соединиться съ Рабусомъ, ибо послѣдній ѣздилъ въ чужіе края изъ Малороссiи черезъ Одессу.

²⁾ Передъ отъѣздомъ въ Италію, Ивановъ писалъ небольшіе мѣстные образы для иконостаса; но куда—теперь неизвѣстно. Рамазановъ (скульпторъ) будучи въ то время мальчикомъ съ свѣжимъ румянымъ лицомъ, служилъ ему моделью, стоя на столѣ, за что былъ накормленъ сладкимъ пирогомъ.

новичъ, обѣщанное прошу исполнить: перевести мнѣ нѣсколько строкъ изъ котораго-нибудь изъ главныхъ нѣмецкихъ авторовъ (касательно художниковъ); по крайней мѣрѣ я ихъ буду читать жаждающимъ познаній моимъ собратіямъ и глубоко впечатлѣю ихъ въ моей памяти.

Впрочемъ, прощайте мнѣ, Карль Ивановичъ, если я грубилъ, грублю и буду грубить вамъ въ моихъ письмахъ, ибо это происходитъ ни отъ чего болѣе, какъ отъ вашего позволенія писать скоро на-скоро.

~~~~~

VI.

КЪ К. И. РАБУСУ.

(С.-Петербургъ, Осень 1829 г.)

Карль Ивановичъ!

Первѣе всего долженъ я васъ благодарить за то, что вы познакомили меня съ г. подполковникомъ М. и его супругой; не стану вамъ распространяться о душевныхъ ихъ достоинствахъ, ибо вы сами вполне ихъ знаете; — скажу только, что первый разъ въ жизни сожалѣлъ я, что не умѣю писать ни цвѣтовъ, ни плодовъ, ни даже ландшафтовъ.

Вамъ уже извѣстно, съ какимъ восторгомъ принята была моя картина: «Иосифъ въ темницѣ». Тогда всѣ согласны были, что она заслуживаетъ болѣе нежели золотую медаль перваго достоинства, что даже я сдѣлалъ болѣе, нежели Карль Брюлловъ (хотя никогда бы я не хотѣлъ состязаться съ симъ Геркулесомъ).....

(Изъ слѣдующихъ строкъ видно, что многіе изъ членовъ Общества поощренія художниковъ старались занять Иванова, до отъѣзда его въ Италію, лишь картономъ съ Боргезскаго Бойца; но другіе взяли перевѣсъ и опредѣлили, чтобы онъ написалъ хотя маленькую картинку. — Далѣе:)

....«Боецъ» (какъ сказывалъ) окончаніемъ своимъ далеко превзошелъ прежнія картины, но вмѣстѣ съ похвалою полу-

чиль я и выговоръ за продолжительность времени, которое я употребилъ на сей рисунокъ (т.-е. 6 мѣсяцевъ). Обезпокоенный симъ, долженъ былъ я начать картину, представляющую «Беллерофона», когда онъ отправляется въ походъ противъ Химеры ¹⁾. Во время производства я терпѣлъ разныя неприятности, въ числѣ которыхъ была и та, что, давно не приобрѣтая трудами денегъ, я истощилъ казну свою.

Срокъ или конецъ прошедшаго лѣта окончилъ и мою картину, которая была принята съ неудовольствіемъ: говорили, что она совсѣмъ не превосходитъ «Іосифа въ темницѣ» и что имъ ²⁾ оскорбительно, что я не слушаю ихъ совѣтовъ въ разсужденіи композиціи. Однимъ словомъ, упомянутая картинка чуть не поколебала отправленіе мое въ чужіе край.... Въ сихъ-то обстоятельствахъ, любезнѣйшій Карлъ Ивановичъ, вы мнѣ подали руку дружества;—отсюда-то я называю ваши письма лучшими подарками. Теперь остается сказать нѣчто о будущности (хотя она извѣстна одному Богу). Тутъ мнѣ грозятъ строжайшей инструкціей и за неисполненіе одного хотя маловажнаго пункта, я буду лишень срочнаго пребыванія за границей. Ожесточенные поступками Карла Брюллова, они, грозя ему палкою, надъ первымъ мною хотятъ привести въ дѣйствіе свои несбыточные приказанія. Часто разстроенный душевно, не мудрено, что я впадалъ въ болѣзнь; но я уже начинаю привыкать къ неприятностямъ.

Объяснивъ вамъ тайны, касающіяся до моего здоровья, я возвращаюсь къ покорнѣйшимъ услугамъ. — Исторія художествъ, о которой вы говорите, весьма мнѣ кажется важною; на русскомъ языкѣ есть, кажется, нѣкоторыя изъ нея статьи въ «Журналѣ изящныхъ искусствъ» ³⁾, впрочемъ нигдѣ болѣе; — итакъ, я буду надѣяться ее имѣть.

Посылаю Илиаду; цѣна оной вамъ извѣстна, за исключеніемъ вѣсовыхъ и укладки; я думаю останется 25 рублей на будущія ваши издержки.

---

¹⁾ Картина находится у М. П. Боткина въ Петербургѣ.

²⁾ Членамъ Общества поощренія художниковъ.

³⁾ Изд. В. И. Григоровича.

VII.

КЪ К. И. РАБУСУ.

(С.-Петербургъ) 15 декабря 1829 г.

Карль Ивановичъ!

Признаться вамъ долженъ, что при каждомъ воспоминаніи о вашемъ трудѣ, собственно для меня начатомъ ¹⁾, я сердечно сознаюсь, что не стою его; даже иногда разсматривая сіе, приходитъ мнѣ въ мысли отклонить васъ отъ сего полезнаго для меня предпріятія. Да и кто бы подумалъ, чтобы изъ прошенныхъ двухъ строкъ выросъ такой исполинъ. Впрочемъ, если судьбы рѣшили сіе, то неужели онѣ откажутъ въ заслугахъ съ моей стороны? Обильныя ваши наставленія (я уже плодъ ихъ вкусилъ, читавъ Исторію литературы древнихъ и новыхъ народовъ, Фр. Шлегеля) доставляютъ мнѣ полное удовольствіе. Вы мнѣ назвали великихъ писателей, между коими нахожу знакомаго Зульцера; я читалъ его теорію. Потомъ вы говорите о просвѣщеніи художниковъ. Думая о семъ врожденномъ стремленіи каждаго благомыслящаго, я почелъ необходимымъ поправить свою жестокую ошибку, хотя нѣсколько поздно,—и теперь учусь по-Французски (ибо я къ нѣмецкому вовсе не приготовленъ), чтобы не быть въ чужихъ краяхъ безъ книгъ и безъ языка.

VIII.

КЪ К. И. РАБУСУ.

(С.-Петербургъ конецъ 1829 г.)

Карль Ивановичъ!

Я чувствую теперь значительное облегченіе, частию отъ времени (которому Вольтеръ въ своихъ думахъ воздвигнулъ

¹⁾ Рѣчь идетъ, должно полагать, о переводѣ чего-то серьезнаго съ нѣмецкаго языка.

монументъ съ надписью: à celui qui console), частію отъ того, что встрѣтилъ васъ, которому могъ сообщить и, слѣдовательно, облегчить свое горе и получить въ отвѣтъ утѣшеніе. Благодарю Провидѣніе и васъ, ибо оно, приводя къ несчастіямъ, насъ умудряетъ. Благодарю васъ и за полезныя услуги, которыя вы мнѣ оказываете своими переводами.

Теперь слѣдуетъ вамъ сказать объ Андрѣѣ Акимовичѣ ¹⁾. Что касается здоровья, оно мало поправляется; но занятія его нынѣ важны: онъ пишетъ картину на званіе академика, представляющую Улисса, плачущаго на берегахъ острова Калипсо ²⁾. Сердечно порадуемся, если предпріятіе увѣнчается успѣхомъ....

~~~~~

IX.

КЪ К. И. РАБУСУ.

(С.-Петербургъ). Апрель 1830 г.

Карлъ Ивановичъ!

Весна приблизилась и Общество ³⁾, видя мѣшкотность въ разсужденіи отправленія за границу, спрашиваетъ, посредствомъ Григоровича, рѣшено ли у насъ, чтобы вмѣстѣ отправиться по первому пути въ чужіе края? Отвѣтъ мой былъ сообразенъ съ предыдущимъ письмомъ вашимъ, изъ котораго я видѣлъ, что картина, только-что вами начатая, должна занять васъ на довольно значительное время. Григоровичъ объявляетъ, что въ комитетѣ Общества говорено было, что Яненко намъ, т.-е. мнѣ, можетъ быть хорошимъ товарищемъ; что онъ отправляется на счетъ Общества въ Венецію, гдѣ и будетъ жить; — и наконецъ, чтобы я рѣшительно готовился ѣхать.

¹⁾ Академикъ Сухихъ: онъ былъ женатъ на родной сестрѣ А. А. Иванова; писалъ картины, остальное время посвящалъ урокамъ рисованія.

²⁾ Нынѣ картина эта находится въ Академіи художествъ.

³⁾ Общество поощренія художниковъ.

Въ сихъ-то тѣсныхъ обстоятельствахъ я принужденъ былъ принять самую рѣшительную мѣру, согласивъ Яненко отправиться со вторымъ отбытіемъ парохода, которое будетъ мая 15-го; я поспѣшаю вамъ сказать, что если вы можете поспѣть къ 12-му или 13-му числу того же мѣсяца сюда, въ Петербургъ, то я могъ бы еще имѣть давно желаемую пользу отъ вашего товарищества, какъ въ отношеніи просвѣщенія, такъ и въ дорожныхъ обстоятельствахъ; могъ бы еще имѣть передъ собою переводы истинно для меня полезные и наконецъ могъ бы освободиться отъ Яненко. Если-же все сіе невозможно.... то съ глубочайшимъ прискорбіемъ вамъ долженъ сказать, что 15-го мая меня уже не будетъ въ Петербургъ!!...

~~~~~

X.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ
ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ 1830 г.)

...Я уже докладывалъ вамъ о причинахъ, побудившихъ насъ съ прискорбіемъ оставить пять славныхъ городовъ Италиі; къ сказаннымъ причинамъ надо присоединить и то, что, выискивая изящное въ Германіи, я въ то же время несъ трудную должность кондуктора и не имѣлъ ни часу покоя: въ промежуточное время отъ наблюдений, надобно было изучать слова, чтобъ не впасть въ обманъ, а ограниченная сумма требовала чрезвычайной расчетливости, слѣдовательно умственная система моя отъ непрерывнаго напряженія начинала притупляться, и сіе-то самое также не мало способствовало отложить путешествіе до другаго времени.

Не стану вамъ говорить, что поиски наши въ Тренто ничѣмъ вознаграждены не были, что въ Веронѣ вскользь видѣли картины и фрески Павла Веронеза, или что въ Мантуѣ между многими церквами успѣли осмотрѣть и построенную

Юліемъ Романомъ, коей фрески и орнаменты испорчены не столько временемъ, сколько охотною рукою маляра. Не хотѣлъ-бы даже упоминать о Болоньи, хотя тамъ ни одна церковь не скрылась отъ нашего любопытства. Правда, мы видѣли въ нихъ Карраччей, Гвидо, Гверчино и Корреджіо, но мы не знаемъ ни академіи, ни галлерей.—Воспоминаніе о Болоньи служить намъ всегда жестокиимъ наказаніемъ за незнаніе языка. Забывая обо всемъ этомъ, бѣглый нашъ обзоръ не можетъ намъ принести пользы.

Теперь разскажу вамъ о Флоренціи, которую мы видѣли, какъ городъ Италіи.

Послѣ дрезденской галлерей, собраніе картинъ во дворцѣ Питти можетъ считаться лучшимъ, какое мы видывали, хотя тутъ Мадонна della Sedgia много уступить совершенствомъ Мадоннѣ di Sisto; «Св. семейство» Рафаэля не принадлежитъ къ первостепеннымъ его работамъ, за то тутъ явились намъ новыя опоры истиннаго вкуса. Фра-Бартоломео и Андрей дель-Сарто чудно украсили свою родину; первый рисованіемъ и драпировками если не превзойдетъ, то не уступитъ ни которому изъ первокласныхъ; второй къ симъ же достоинствамъ присоединяетъ незатруднительное расположеніе фигуръ; Фра-Бартоломео прибавляетъ къ сему возвышенный стиль и наконецъ Андрей дель-Сарто превосходитъ его колоритомъ. Картины перваго представляютъ: «Евангелисты толкуютъ о Воскресеніи Христовомъ» и «Апостоль Маркъ, сидящій въ нишѣ», и служатъ если не усовершенствованіемъ, то вѣрнымъ продолженіемъ превосходнаго стиля Рафаэля; картины втораго: «Снятіе со креста», «Благовѣщеніе» и другія—тоже въ лучшемъ стилѣ и спокойно-важномъ колоритѣ.—Бронзино по колориту заступилъ мѣсто Аннибала Каррачи. Его картина, представляющая юношу, выходящаго изъ лодки, хотя вовсе чужда композиціи, за то писана превосходно. Его же «Юдиѣ»—произведение рѣдкихъ достоинствъ: правильность, красота, нація—все вмѣщается въ лицѣ героини. По колориту, картина Корреджіо тоже превосходна. «Св. семейство» Юлія Романа, Тиціана, Пальма Векіо и другіе много вмѣщаютъ въ себѣ разныхъ достоинствъ. Всѣ картины здѣсь оригинальныя.

Въ одной изъ залъ сей галлерей сводъ расписанъ фреско

новѣйшимъ художникомъ, сюжеты изъ Гомеровою Иліады, композиція имѣеть довольно хорошаго, но не совершеннаго; краски весьма и даже слишкомъ пріятны, околичность и костюмы свидѣтельствуютъ о учености художника. Фрески сіи много превзошли мюнхенскія сего же сюжета.

Тутъ же намъ предложили видѣть Венеру Кановы, превосходную по словамъ многихъ. — Мнѣ она не нравится, она суха и манерна.

Въ публичной галлерей два предлинные корридора не много заключаютъ въ себѣ хорошаго. — Античные жертвенники и саркофаги достойны вниманія и по вкусу и по древности. Изъ числа статуй тутъ примѣчательны: мужской торсъ какъ бы сидящей фигуры, Геркулесъ побѣждающій Центавра, и даже Лаокроонъ съ дѣтьми, а изъ картинъ одна заняла особенно мое вниманіе: Спаситель-младенецъ сидитъ на колѣняхъ у Богоматери, взирая въ даль, протягиваетъ правую руку, — взять приготовленное перо изъ руки Владычицы. Ангелы придерживаютъ книгу, въ которой Спаситель хочетъ изобразить свои мысли. — Прочія здѣсь картины флорентинской школы не заслуживаютъ уваженія.

Драгоценности публичной галлерей хранятся въ отдѣльных кабинетахъ.

Первый изъ нихъ заключаетъ бронзы древнія и новыя. Тутъ находится голова лошади отличнѣйшаго вкуса, статуя Минервы и много разныхъ античныхъ мелочей, подающихъ живую идею о богахъ, божкахъ, сосудахъ и разныхъ утваряхъ древнихъ.

Второй содержитъ глиняныя этрусскія вазы въ большомъ количествѣ.

Въ третьемъ трагедія Ніобы; нѣкоторыя изъ сихъ статуй для насъ новы и весьма занимательны.

Въ четвертомъ находится хвалимая здѣсь всею большою картина Бароччіо, сюжетъ изъ католической четьи-миней. Я три раза принимался отыскивать въ ней достоинства. — Тутъ же есть портретъ одного владѣтельнаго принца: Веласкецъ представилъ его скачущимъ на конѣ, фигура посажена величественно; конь и жизни полонъ, и изъ правды не вышелъ, колоритъ умѣренный, простой и прекрасный.

Пятый кабинетъ заключаетъ египетскія живописи въ подлинникахъ.—Лучшія статуи и бюсты греческой и римской работы, изъ нихъ особенно примѣчательнъ Геркулесъ младенецъ, удушающій змievъ—произведеніе совершеннѣйшее во всѣхъ частяхъ. Желательно, чтобъ мы имѣли сію небольшую статую въ слѣпкѣ. Тутъ же есть произведенія древняго и въ послѣдствіи усовершенствованнаго рѣзца.

Въ шестой и седьмой залѣ находятся портреты живописцевъ великихъ и среднихъ; далѣе члены академіи флорентинской. Изъ сихъ послѣднихъ — Кипренскаго намъ казался лучшимъ.

Въ седьмомъ и послѣднемъ по сей сторонѣ кабинетѣ видѣли мы Тиціана и Веронеза. Потомъ на другой сторонѣ, въ первыхъ четырехъ залахъ: примѣчательный ландшафтъ Клодъ Лореня: «Захожденіе солнца»; ландшафтъ Букета, одного изъ новѣйшихъ живописцевъ французской школы.—Избалованные отличнѣйшими произведеніями, мы невольно пропускали Рубенса, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ посредственности, и вотъ входимъ въ восьмиугольную залу, или какъ бы въ храмъ Венеры Медицисъ. Взгляните на лица смотрящихъ на нее, и вы видите, что каждый взорами приносить жертву богинѣ красоты! Я снова видѣлъ Венеру, я забылъ о слѣпкахъ, которые мы имѣемъ. Они не могутъ дать прелестнаго о ней понятія. Я забылъ, что это произведеніе руки человѣческой,—забылъ и восхищался, и цѣлымъ, и частями: какая полнота во всѣхъ частяхъ! какая отвѣтственность ихъ къ цѣлому! Не знаю ничего совершеннѣе сего творенія!! Въ сей же драгоцѣннѣйшей залѣ находится превосходная статуя Аполлино, тутъ-же Бойцы, дѣти Ніобы, Скиeвъ точащій ножъ и даже Фаунъ.—Изъ картинъ Рафаэля—«Молодой Креститель»; мы видѣли въ Вѣнѣ у графа Лихтенштейна сію картину, тамъ она слыветъ подъ именемъ Юлія Романо и имѣетъ болѣе остроты въ выполненіи, что и заставляеть сомнѣваться здѣсь въ ея оригинальности. Потомъ его же «Св. семейство», съ свойственнымъ ему превосходствомъ. Двѣ Венеры Тиціана висятъ по сторонамъ прелестнѣйшей богини. Ахъ! зачѣмъ онѣ всѣ вмѣстѣ, зачѣмъ я долженъ ихъ сравнивать? Греческая всегда изобличитъ послѣднюю въ несовершенствѣ формъ, за то Тиціанъ противу-

ставить сему колорить совершеннѣйшій, но станемъ разсматривать сію послѣднюю.—Фра-Бартоломео и Андрей дель-Сарто напомнили опять о своихъ великихъ достоинствахъ. Первый картинами двухъ апостоловъ, второй представилъ Богоматерь, окруженную Іоанномъ Евангелистомъ и какимъ-то св. монахомъ. Сія картина по необыкновенной силѣ и скромности красокъ, а также превосходныхъ драпировокъ, справедливо почитается лучшею сего мастера. О великомъ Микель-Анджело не можетъ дать никакого понятія картина его, здѣсь находящаяся. Въ сей же залѣ (Трибунѣ) много другихъ прекрасныхъ произведеній, какъ-то: Луини «Усѣкновеніе главы Предтечи»,—выраженіе головъ весьма занимательно; Юлія Романо «Св. семейство»; два портрета руки Рафаэля, изъ коихъ одинъ часто повстрѣчался намъ во многихъ галереяхъ; портретъ кардинала Карла Маратта; голова женская Тиціана со всею полнотою искусства сего мастера; Корреджіо «Рождество Христово» отличается какою-то силою въ краскахъ, и даже Рубенсъ не потерялъ своего достоинства, находясь здѣсь между высокими произведеніями живописи и скульптуры.

Потомъ слѣдуетъ залъ флорентинской школы. Въ послѣдней находится подготовленная картина Бартоломео, представляющая Богоматерь, окруженную нѣкоторыми святыми. Мастеръ, обведши чертами и наготу и драпировку каждой фигуры, оттушеввалъ всю картину однимъ колеромъ: твердое знаніе рисовать, солидная, важная красота композиціи, разнообразность въ выраженіи головъ, чудесный вкусъ драпировокъ, выражены въ семъ драгоцѣнномъ подмалевкѣ! Смерть не допустила окончить Бартоломео сей славной картины. Тутъ же есть подготовки Леонардо да Винчи; также по колориту славное произведеніе Чиголи: картина представляетъ мученіе св. Лаврентія; нѣсколько эскизовъ Бартоломео, съ необыкновенною окончательностью и вкусомъ выполненныхъ, и наконецъ съ душевнымъ удовольствіемъ усматриваемъ бюстъ императора Александра 1-го. Какъ художники, скажемъ, что это произведеніе достойно Торвальдсена; какъ русскіе, радуемся, нашедши въ чужеземцахъ истинное почтеніе достойному нашему монарху.

Вотъ эпитафья, изображенный у подножя пьедестала:

Мужъ твердый въ бѣдствяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ ему? Какой ему алтарь?
Вселенная, пади предъ нимъ: онъ твой спаситель.
Россия, имъ гордись: онъ сынъ твой, онъ твой царь.

Съ удовольствіемъ вспоминаю, что насъ почтили открытіемъ бібліотеки, и вотъ самъ бібліотекарь показываетъ намъ Перуджино.—Эскизы его едвали не лучше картинъ, онъ въ нихъ выразительнѣе, смѣлѣе; видно, что съ этихъ оконченныхъ небольшихъ этюдовъ онъ производилъ большія свои картины, ибо, во-первыхъ, видимъ эссенцію, силу, такъ-сказать жизнь, какую художникъ въ первомъ чувствѣ изливаетъ съ натуры на свое произведеніе. Какъ все окончено, какъ все аккуратно и вовсе здѣсь не сухо.

Потомъ открыли намъ Рафаэля! Геній, возведенный благоприятными обстоятельствами въ настоящій свой цвѣтъ, удивляетъ, изумляетъ насъ своими огненными чертежами: за изящнѣйшимъ расположеніемъ фигуръ и чуднымъ выраженіемъ головъ, драпировокъ рисунка, за согласіемъ всего и по частямъ съ натурой, совершенно не видишь никакихъ недостатковъ. Купидона ли представить—и мы видимъ въ контурахъ прелести, приличныя ему. Богоматерь ли изобразить—и черты ея божественны; этюды ли для какой картины приготовить—и всякій согласится, что съ нихъ можно писать колоссальныя фигуры, такъ все тщательно, опредѣленно, смѣло, пламенно!

Но вотъ уже Рафаэля мы кончили, и передъ нашими глазами рисунокъ, угадать сюжетъ коего не въ нашихъ силахъ, весь листъ изчерченъ нагими фигурами, напряженные мускулы изрисованы полукружными чертами; фигуры то загибаются, то пригибаются, по таинственной причинѣ, извѣстной только одному мастеру; иногда тутъ же, вмѣсто тѣльной ноги, выставлена связь костей, привязки главныхъ жилъ и оконечностей къ чашкѣ. Я безошибочно узналъ генія Микель Анджело, ищущаго прочнаго основанія.

Между подобными рисунками замѣтили, что мастеръ не оставлялъ и натуры; что мѣстами кажется совершеннѣйшимъ, какъ, напр., нѣкоторыя выразительныя головы, черченные

для памяти съ натуры; рисунокъ Прометея, необыкновенно оконченный, и другіе. Его рисунки анатомическіе достойны особеннаго вниманія.

Андрея дель-Сарто этюды не чрезвычайны: сей мастеръ всегда уступить въ нихъ Рафаэлю, или, скорѣе сказать, его тутъ можно причестъ къ лучшимъ мастерамъ, рождающимся въ каждомъ вѣкѣ.

Леонардо да-Винчи необыкновенно оконченъ. Этюдъ его для драпировокъ, въ уменьшенномъ видѣ, превосходенъ. Между прочимъ замѣтить надобно, что мастеръ дѣлаетъ ихъ на холстѣ, упоенномъ гуміемъ, возвышая свѣты бѣлыми штрихами, всегда кистью. Головы нѣкоторыя есть отличнѣйшія; впрочемъ, онъ здѣсь весьма не полонъ: этюдовъ для «Тайной вечери» совсѣмъ не видно.

Фра-Бартоломео справедливо называютъ здѣсь флорентинскимъ Рафаэлемъ: вы видите въ немъ ту же силу композиціи, то же выраженіе, то же знаніе рисунка, ту же мастерскую твердость руки, опять вспоминаете, что онъ былъ наставникомъ послѣдняго (Урбинскаго). Но когда Бартоломео присоединитъ нѣжность къ своимъ произведеніямъ? Кто произведетъ что-либо совершеннѣе Мадонны di Sisto? Замѣтить надобно, что мастеръ сей съ натуры рисовалъ свои отличнѣйшія драпировки, и что писалъ ихъ послѣ съ этихъ рисунковъ; вотъ почему нельзя найти въ настоящихъ его картинахъ той души, каковую здѣсь видимъ.

Потомъ слѣдуетъ витрина съ различными мастерами; между ними хотя и есть Корреджіо, Тиціанъ, Карраччи, но имена одни не могутъ дать имъ достоинства этой витрины.

Изъ частныхъ галлерей здѣсь примѣчательна князя Корсини, и то только по картинѣ профессора Бенвенути. Вотъ ея изображеніе: Пиръ, схвативъ за волосы несчастнаго Пріама, заноситъ роковой ударъ окровавленнымъ мечомъ своимъ, ступивши въ то же время правой ногой на трупъ только-что имъ убитаго юноши; тщетно благородный старецъ правою рукой отпираетъ отъ себя остервененнаго убійцу и лѣвою слабо отражаетъ ударъ наносимый. Съ праваго боку сей группы Гекуба, какъ бы бѣжавшая на помощь, есть свидѣтельница смерти супруга своего; съ поднятыми вверхъ руками, она

виѣ себя отъ ужаса; дочери, толпяціяся вокругъ ея, прижались подъ защиту беззащитной матери. По лѣвую сторону жрецъ Юпитера отходитъ отъ жертвенника со страхомъ и трепетомъ. На второмъ планѣ нѣсколько троянокъ со слезами молятъ Юпитера, прижавшись плотно къ пьедесталу и руками и персями, но тщетно ¹⁾).

~~~~~

XI.

КЪ СЕСТРАМЪ.

(Римъ. Лѣто? 1831.)

Любезныя сестрицы!

Пишу вмѣстѣ, и радуюсь, что нахожу васъ въ мирѣ. Мое мѣстопробываніе такъ хорошо, что, еслибъ я съ вами видѣлъ его издали, то только сказалъ бы съ Петромъ-апостоломъ: Господи! не хочещи ли сотворю Тебѣ горницу—единую Тебѣ, единую Или, и т. д.

Я стараюсь не пропускать службу въ монастырѣ на горѣ св. Троицы, что подлѣ меня; тамъ изгнанныя рокомъ отъ свѣта мірскаго цѣломудренныя дѣвы погребли себя заживо и воспѣваютъ славу Высочайшаго существа.

Солнце склоняется за гору св. Маріи; безоблачное небо накрывается горящимъ свѣтомъ и, согрѣтый теплымъ чувствомъ о Богѣ, вмѣстѣ съ несчастными любопытными атеистами иду внимать пѣнію дѣвъ непорочныхъ, горемъ вынужденныхъ отрѣшиться отъ свѣта. Ихъ голосъ ублажаетъ мое сердце, я сливаюсь съ ними въ чувствахъ: горестъ составляетъ союзъ сердець человѣческихъ, даже самыхъ гордыхъ она соединяетъ. Я не могу пересказать вамъ, сколько блаженныхъ мыслей рождаетъ во мнѣ прекраснѣйшее соло (solo) какой-либо изъ сестеръ сихъ: изъ меня все тогда вы можете сдѣлать.

Я живу на горѣ; огромность и небрежность здѣшнихъ дворцовъ есть принадлежность. Войдя съ улицы Сикста, вы

¹⁾ Письмо это писано не изъ Рима и не въ 1830 г., какъ напечатано у насъ на стр. 11, а изъ *Флоренціи*, 28 февраля 1831.

подымаетесь во второй этажъ; завернувъ на лѣво въ садъ, вы почувствуете аромать, увидите тучныя, цвѣтушія розы, и подъ виноградными кистями пройдете ко мнѣ въ мастерскую, а далѣе—въ спальню или комнату: и то, и другое будетъ болѣе нашей бывшей залы. Въ мастерской на главномъ окнѣ стоитъ ширма въ полтора стекла, чтобы закрыть ярко-зеленый цвѣтъ отъ миндаля, фигъ, орѣховъ, яблонь и отъ обвивающейся виноградной лозы съ розанами, составляющей крышу входа моего.

Во время отсутствія скорби о домѣ моемъ родительскомъ, я бываю иногда до такой степени восхищенъ, что не бываю въ состояніи ничего дѣлать: какъ же тутъ не согласиться съ итальянскимъ бездѣйствіемъ, которое мы привыкли называть лѣнью?

Изъ оконъ съ одной стороны моей унылой спальни видѣнъ другой садъ, нижній; дорожки всѣ имѣютъ кровлею виноградныя кисти, а въ срединѣ ихъ—или чудные цвѣты, или померанцы, апельсины, груши и т. д. Сзади сада живописной рукой выстроены дома: то уголь карниза выдается изъ чьей-либо мастерской, то сушило, арками красующееся, то бельведеръ, высоко подымающійся. Съ другой стороны комнаты окно мое представляется вамъ на домъ, въ коемъ живетъ знаменитый Торвальдсенъ—онъ въ восемь часовъ всегда имѣетъ обычай глядѣть въ окно. Далѣе вы видите длинную перспективу—то уклоняющуюся, то подымающуюся, прямую улицу и, наконецъ, вашъ взоръ устремится на живописную церковь Пресвятой Богородицы, а за нею, ахъ, за нею—вы видите синюю вершину горъ албанскихъ. Въ древней исторіи (вы) замѣтили о храбрыхъ албанцахъ, нападавшихъ отважно на Ромула: вотъ тамъ-то вдали было ихъ пребываніе, а теперь, теперь тамъ обитаетъ Витторія ¹⁾...

Но полно, обратимся на право: тутъ вы видите, во-первыхъ, площадь св. Троицы; монастырь того же имени заключаетъ отрекшихся отъ свѣта непорочныхъ дѣвъ, вечернее пѣніе коихъ вызываетъ въ душу скорбь, сливающую самыя гордыя сердца. Съ горы видна часть Рима—живописная смѣсь плоскихъ крышекъ, куполовъ, обелисковъ, а сзади

¹⁾ Знаменитая римская модель,—красавица, на которой потомъ былъ женатъ живописецъ Лалченко.

гора св. Маріи при вѣчно-ясномъ небѣ представляетъ обворожительный видъ. Напротивъ меня съ этой стороны находится училище, гдѣ юноши при началіи и окончаніи ученія поютъ гимнъ Богородицѣ—я внѣ себя бываю отъ очаровательныхъ ихъ пѣсней. Подлѣ меня находится мастерская Лапченки. Мы тогда только другъ друга посѣщаемъ, когда душа котораго-либо изъ насъ слишкомъ возкорбитъ; мы изливаемся тайнами сердецъ нашихъ.

ХП.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

Римъ, 2 августа 1831.

Извлекая истинную пользу изъ совѣтовъ Торвальдсена—единственнаго гения, украшающаго дни наши, скудные оными, я разсудилъ поискать и въ другихъ—для себя полезныхъ совѣтниковъ. Разбирая достоинства каждаго, я нашель, что Камуччини изъ нихъ есть лучший: однородный классъ живописи и ученость художника не мало интересовали меня въ пріобрѣтеніи его совѣтовъ. Конечно, надобно признаться, что молва о его неоткровенности, нехотѣніи говорить правду, система признавать одинъ Югъ способнымъ къ изящнымъ искусствамъ и наказы пышныхъ комплиментовъ вводили меня часто въ недоумѣніе, но желаніе повѣрить опытомъ общій слухъ, иногда несправедливый, взяло, наконецъ, верхъ надо всѣмъ. И вотъ его мнѣніе въ разсужденіи трудовъ моихъ: расположеніе, говоритъ онъ, весьма хорошее, чувства много, вѣрность рисунка доказываетъ большое въ немъ упражненіе, колоритъ много пріятенъ, на главной фигурѣ хорошо понята драпировка, околичность расположена удачно. Чего же, кажется, болѣе?

Нѣтъ, Камуччини началъ съ жаромъ мнѣ доказывать, что я мало имѣю понятія о возвышенномъ стилѣ, каковой намъ указываютъ великіе мастера прошедшихъ столѣтій; что онъ едва его видитъ въ фигурѣ Кипариса; что нужно бы мнѣ

безпрестанно имѣть въ глазахъ Рафаэля, или, короче, хорошо бы скопировать какое-либо лучшее его произведеніе; что въ моей картинѣ онъ часто встрѣчаетъ черты не плавныя, не благородныя, между тѣмъ какъ сюжетъ требуетъ ихъ. Очертивъ рукою вверхъ фигуру Гіацинта, онъ сказалъ, усмѣхаясь: «с'è la natura, ma brutta natura» ¹⁾.

Въ тоже время онъ одобряетъ выборъ предмета возвышеннаго; говоритъ: надобно, чтобы молодые люди мыслили объ возвышенныхъ красотахъ, чтобы приучиться съ помощью наглядки и копій съ произведеній, признанныхъ вѣками великими, различать истинно-изящное отъ обыкновеннаго, и что симъ способомъ только я могу избавиться отъ своего манера, въ коемъ онъ видитъ много французскаго—нынѣшняго. «Tableaux de genre» онъ называетъ упадкомъ искусства живописнаго.

Я предложилъ ему заглянуть въ портфель моихъ эскизовъ. Взглянувъ на «Сусанну», онъ громко разсмѣялся, сказавъ, что чувства весьма много, но мало благороднаго; что бѣгущіе старики могутъ быть только позволительны въ эскизѣ, а для картины надо выбрать положеніе, могущее продолжаться нѣсколько минутъ. (Я сомнѣваюсь въ справедливости сего мнѣнія.) Увидѣвъ «Братьевъ Іосифовыхъ, нашедшихъ чашу въ мѣшкѣ Веніаминовомъ», онъ перемѣнился, увѣрялъ меня, что сей эскизъ его совершенно удовлетворяетъ, что тутъ онъ не примѣчаетъ болѣе моего порока и видитъ въ немъ много хорошаго вкуса; вслѣдствіе чего совѣтовалъ мнѣ начать по немъ картину.

Недосуги не допустили барона кончить мою портфель, отложивъ разсмотрѣть до другаго свиданія. Онъ разрѣшилъ мои хлопоты—подавъ мнѣ бумагу, въ которой собственной рукою гофмаршала двора папскаго написано и имъ самимъ, какъ директоромъ, засвидѣтельствовано позволеніе устроить лѣса и начать картонъ въ капеллѣ Сикстинской.

Теперь желаете послушать Торвальдсена замѣчанія на тѣ же мои труды? Онъ долго смотрѣлъ на мою картину, не говоря ни слова: это его обыкновенный приступъ на разсмотрѣніе всякаго произведенія.

¹⁾ Это натура, но безобразная натура.

Вообще онъ отзывается объ ней съ довольствомъ; говорить, что фигура Кипариса весьма ему нравится; онъ совѣтуетъ исправить контуръ фигуры Гіацинта, руку Аполлона и ногу сей же фигуры, и замѣтилъ, что въ лицѣ не надобно бы столь сильно изображать улыбку: она не даетъ ему быть богомъ. Околичность и колоритъ картины заслужили его одобреніе.

Изъ всего сказаннаго вы видите, милостивые государи, что мнѣніе двухъ различныхъ художниковъ одинаково, или съ тою только разницею, что въ сужденіи славнаго Торвальдсена видно какое-то простосердечіе, а Камуччини, вопреки общему о немъ слуху, имѣетъ видъ чѣмъ-то раздраженный. (Я тутъ подозрѣваю свое нетерпѣніе говорить: можетъ быть, я и ему показался черезъ то гордымъ и занятымъ собою; къ тому же и объясняться надобно было на языкѣ иностранномъ: учтивость изреченій пока я еще не изучалъ. Какъ-бы то ни было, а все сіе вмѣстѣ мнѣ полезно.) Обоимъ имъ я весьма благодаренъ, и осмѣливаюсь даже предложить вамъ изъяснить имъ тоже чувство при удобномъ случаѣ, если то найдете приличнымъ.

Весьма жалѣю, что я долженъ теперь оставить мою картину, не исправивши замѣчаній, на нее сдѣланныхъ, ибо двухъ-мѣсячный искъ позволенія еще болѣе сократилъ время тамъ работать. Я уже привыкъ къ страху лазить по 10 саженой лѣстницѣ, почти перпендикулярной. Боюсь только не кончить своего картона до первой церемоніи, потому работаю тамъ съ утра до вечера каждый день: фигура моя въ настоящую величину оригинала.

Африканскій вѣтеръ (Scirocco) весьма не благопріятенъ для моего здоровья: я нынѣ часто прихварываю—къ крайнему моему прискорбію, ибо лѣса въ капеллѣ Сикстинской съ каждымъ днемъ требуютъ чувствительныхъ издержекъ, а докторъ русскихъ запрещаетъ мнѣ имѣть всякое движеніе въ болѣзненномъ состояніи.

XIII.

РЬ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

Римъ, 2 августа 1831.

Выборъ сюжета для будущей картины моей долго затруднял меня: я думалъ, какъ бы возбудить вниманіе холоднаго современника, какой предметъ взять, чтобы онъ почувствовалъ и любовь, и привязанность къ моему искусству. Наконецъ я положилъ, что нечувствительнаго, лишеннаго отъ природы чувства изящнаго, ничѣмъ не возбудишь, но что соотечественникъ мой, стремясь къ высочайшей образованности, найдетъ всякій сюжетъ достойнымъ къ производству, если только онъ не будетъ растлителемъ нравовъ.

Я уже вамъ докладывалъ, что болѣе всѣхъ, изъ эскизовъ, мною дѣлаемыхъ, одобряютъ: «Мѣшокъ Веніаминовъ» и «Давида, утѣшающаго Саула гусями и пѣніемъ своимъ». Сіе самое и подало (мнѣ) мысль выбрать одинъ изъ сихъ двухъ, для моей будущей картины. Первый хотя и не такъ значителенъ, какъ второй, за то болѣе способный къ изученію наготы, и потому я его и предпочелъ.

Сдѣлалъ другой эскизъ сего же сюжета, и нахожусь теперь въ затруднительномъ положеніи: не могу рѣшить, который изъ нихъ лучше, и потому здѣсь предлагаю съ нихъ эскизы на ваше благоусмотрѣніе, причемъ надѣюсь получить отъ васъ сужденіе, которое принесетъ мнѣ непремѣнную пользу.

Вотъ что Торвальдсенъ говоритъ о нихъ:

Первый гораздо болѣе въ минутѣ (*piu meglio spiegato*), второй болѣе имѣетъ изящнаго въ положеніи фигуръ, но чувства не такъ вѣрны и не подвластны одной минутѣ, а потому онъ предпочитаетъ первый.

Камуччини говорятъ:

Первый лучше, и что если группѣ, поставленной на правой сторонѣ, дать живѣе чувство, то была бы композиція совершеннѣе, но что фигуры не обогащены драпировками; что братья Іосифа черезъ то не похожи на сыновей патриар-

шихъ и что, наконецъ, черезъ это выходитъ много мелочекъ, скважинъ, въ композиціи. Второй болѣе связанъ, положеніе главной группы какъ-то занимательно, лучше угруппировано, но фигура, плачущая надъ мѣшкомъ, холодна, не отвѣчаетъ дѣйствию прочихъ.

Мнѣніе товарищей: всѣ, кромѣ Маркова ¹⁾, противорѣчатъ первымъ двумъ мнѣніямъ, упираясь на исторію.

И такъ, милостивые государи, вы видите изъ сего, въ какомъ я теперь затрудненіи: первыя два мнѣнія людей, приобрѣвшихъ европейскую репутацію, а послѣднія важны по тѣсной связи съ исторіей. Надѣюсь, что вы не будете пристрастны ни къ которому, и осудите снова труды мои; при чемъ прошу, если можно, отобрать также мнѣніе нѣкоторыхъ академическихъ членовъ.

Картонъ «Сотвореніе челоѣка» уже оконченъ: Камуччини весьма былъ имъ доволенъ и обѣщаль отрекомендовать сію копію посланнику, какъ вещь достойную особеннаго вниманія. Такая награда для меня весьма лестна, ибо произошла безъ всякихъ предварительныхъ просьбъ и искательствъ. Вскорѣ послѣ сего былъ въ капеллѣ у меня и самъ посланникъ, и изъявлялъ полное свое удовольствіе трудамъ моимъ.

Теперь мнѣ болѣе ничего не остается желать, какъ поправленія своей ошибки, т.-е. съ вашего согласія осмотрѣть сѣверную Италію, чтобы приступить къ исполненію большой картины съ возможнымъ понятіемъ о колоритѣ.

XIV.

КЪ В. И. ГРИГОРОВИЧУ.

(Римъ. Ноябрь 1831.)

Вы не можете себѣ представить, какъ я радъ письму вашему. Откровенность ваша ко мнѣ возрастаетъ; я постараюсь заслуживать ее: буду сколь возможно строже въ употребленіи словъ вашихъ.

¹⁾ Мих. Тарас. Марковъ, живописецъ.

Перешка моя съ родителями прервалась по случаю моей болѣзни *h*: поручить написать письмо Лапченкѣ къ нимъ—казалось мнѣ, что въ живыхъ не существую; написать самому—было мнѣ еще хуже: сочли бы за сумасброднаго, ибо лихорадка здѣшняя есть болѣе головная боль, бредъ ночной и дневной, нежели дрожь, дремота и бессонница. Но лишь, одакожь, высвободился нѣсколько отъ несносной болѣзни, что было въ концѣ октября, то первое было у меня—писать родителямъ. Крайне сожалѣю о потерѣ родственника вашего, добраго В. А. Глинки ²⁾. Я еще зналъ изъ письма г-на Галберхъ и поспѣшилъ увѣдомить сестру Марію Андр., чтобы навѣщала вдову Катерину Ивановну.

О холерѣ, слава Богу, слухъ успокоился: мы надѣемся, что она не будетъ въ Римѣ. Впрочемъ, весьма благодарю васъ за рецептъ предостерегающій, ибо здѣсь, кромѣ молебствій, ничего не предпринимаютъ къ ея отвращенію. Несчастенъ былъ прошедшій годъ—сколько умерло отъ лихорадки!

Наставленія ваши всегда мнѣ подають пищу къ новымъ размышленіямъ, всегда прибавляютъ что-нибудь къ моимъ занятіямъ. Принимаю все, сказанное вами, за истину, не буду добиваться до большихъ копій, и черезъ двѣ недѣли начну въ Ватиканѣ рисовать съ фресокъ Рафаэля по частямъ, т. е. выбирать отличныя мѣста головъ и драпировокъ, дабы, не теряя много времени и не утомляя терпѣніе, приучиться къ хорошему вкусу, коего я мало имѣю, по словамъ Камуччини.

Вашъ образъ мыслей по художеству разсматриваетъ также г. Гофманъ: изъ него онъ ясно видитъ, что повсемѣстная любовь въ Европѣ къ *tableaux de genre*—у русскихъ любителей художествъ мѣста не имѣетъ. Я полагаю, что программа его, выбранная изъ Данте, которую представляли Государю, будетъ послѣдняя въ семь родѣ.

Итакъ, Василій Ивановичъ, мы до сего дня живемъ въ совершенномъ согласіи, въ знакъ чего собираемся каждый

1) А. А. Ивановъ заболѣлъ вслѣдствіе отставки отца его, случившейся въ январѣ 1831 г.

2) Вас. Алекс. Глинка, архитекторъ, умеръ 4 іюля 1831, отъ холеры.

вечеръ обѣдать за общій столъ. Иногда нашъ столъ умножается: усталый отъ шумныхъ споровъ Соболевскій¹⁾ приходитъ отдыхать въ мирную нашу бесѣду; Марковъ иногда находитъ отраду своимъ несчастнымъ свойствамъ—я его отъ васъ кланялся въ силу словъ: *кто меня знаетъ и помнитъ*; а когда кто либо изъ русскихъ прѣзжаетъ сюда, то почти каждый вечеръ приходитъ съ нами обѣдать.

XV.

КЪ СЕСТРѢ.

(Римъ. Декабрь 1831.)

Спросите у батюшки, почему я остановился писать письма. Въ письмѣ отъ сентября вы хотите, чтобы я привыкнулъ къ Риму, а отъ ноября уже болѣе этого не желаете. Если прелести Рима очаровательны, то почему не прельщаться оными: очарованіе возбуждаетъ вдохновеніе, а вдохновеніе есть самая важная основа всего изящнаго. Что-жъ осталось для раскаянія? Мое лекарство знаете ли, сестрица? Еслибъ я не имѣлъ иногда удовольствій, то давно бы былъ задавленъ меланхоліей.

Не думайте, чтобы наше общество (русскихъ въ Римѣ) было шумное: повышеніе голоса въ спорѣ никогда у насъ не доходитъ до злости, а хоръ скрипокъ, если и выдастъ звоны, то они умиляютъ, они тѣшутъ сердце, они располагаютъ его къ нѣжнымъ разсужденіямъ — къ привязанности родителямъ, что величественныя красоты природы совершенно чужды напомнить. Напротивъ, красоты здѣшней природы завѣщиваютъ такъ: «Художникъ, вотъ твое отечество! Извлекай изъ ума своего при взглядѣ на насъ все, что можешь—посредственное твое твореніе, но не чуждое насъ, будетъ чудомъ казаться для смертныхъ».

¹⁾ Андр. Петр. Соболевскій, живописецъ.

Я не помню, говорилъ ли я вамъ что-нибудь такое, что бы показывало холодность мою къ родинѣ? Не знаю, что васъ вынудило говорить о семь? Я бы желалъ знать, кто изъ благородныхъ русскихъ не любитъ свою родину?

Опять вопросъ: что васъ заставило сказать, что вѣра и упованіе на промыселъ всегда должны быть со мною? Когда и гдѣ я отлучался отъ нихъ?—укажите скорѣе на мои поступки сего рода! «Трудись и безъ нужды не развлекайся». Развѣ вы не читаете отчетовъ моихъ въ Общество? Развѣ вы не слышали сами отъ Григоровича довольство ими? Это за труды мои! Впрочемъ, я работаю доселѣ болѣе для удовлетворенія желаній собственныхъ, т.-е. чтобы удовлетворить вѣчно недовольный глазъ мой, нежели для снисканія чего-то. Скажите, что мнѣ еще теперь осталось снискивать?— я пенсіонеръ Общества! Да когда я не уважалъ достойныхъ, скажите? «Но не забывай оказывать почтеніе и тѣмъ, кто имѣлъ право онаго отъ тебя требовать». Этого-то ужъ я совершенно не понимаю; пожалуйста, въ слѣдующемъ письмѣ объясните мнѣ эту строчку, а я покуда буду молить васъ: имѣйте если не безусловную покорность, то по крайней мѣрѣ снисхожденіе къ родителямъ нашимъ. Въ заключеніе сказано: «Если ты въ веселомъ расположеніи духа, то не читай моего письма». Удивляюсь!

~~~~~

XVI.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ. Начало 1833.)

Если сѣятель съ тѣмъ трудится, чтобы собрать послѣ плоды и наслаждаться оными, то, конечно, и вы вправѣ вкушать плоды сѣмянъ, вами посѣянныхъ, со времени совокупленія вашего въ Общество для поощренія художниковъ.

Всѣмъ извѣстно, что отъ сотворенія міра до сихъ поръ ни одна нація не рвалась столь сильно къ просвѣщенію,

какъ отечество наше. Конечно, въ порывахъ не безъ погибели, но частность никогда не мѣшаетъ восхищаться цѣлымъ, и я, воспитанный бѣдами, наконецъ утѣшался, назидая Солнце-Россію, утѣшался, и отъ избытка чувствъ моихъ рѣшаюсь отдать вамъ плоды посѣва вашего.

Всѣ русскіе художники въ Римѣ теперь одной мысли. Начиная отъ Брюлло до Виганда, каждый говорить: «Нѣтъ отрады другой для меня, какъ углубленіе въ занятія мои».

Вслѣдствіе сего Брюлло оканчиваетъ картину свою, удивляющую уже Римъ, а слѣдовательно и Европу. Бруни, несмотря на совершенную неудачу покупки картины «Гораций» и другихъ его произведеній, говорить: употреблю всѣ мои деньги, полученные за копію «Эліодора», на производство картины «Моисей въ пустынь», а тамъ—какъ разсудитъ Императоръ: продолжать ли мнѣ пенсіонъ, или совершенно меня оставить, буди святая воля его. А я, я не могу быть безъ дѣла, я у-м-и-р-а-ю безъ дѣла.

Лапченко есть доказательство въ исторіи русскихъ художниковъ, что, пріѣхавъ въ Римъ, можно заняться тотчасъ дѣломъ, и дѣломъ важнымъ, имѣя половинную пенсію! Его «Сусанна» вамъ то докажетъ. Онъ теперь кончилъ копію съ Андрея Савки ¹⁾, написалъ портретъ съ первой здѣсь красавицы: написать портретъ сей, по моему мнѣнію, труднѣе, нежели всю Сусанну. Съ первой красавицы Италіи портретъ сей есть! Теперь Лапченко оканчиваетъ образъ Іисуса, по порученію графа М. С. Воронцова, для нашей миссіи въ Лондонъ; компоуетъ эскизы для будущей своей картины, и колеблется между тремя сюжетами: «Срѣтеніемъ Господнимъ», «Даніиломъ, защищающимъ невинность Сусанны передъ подлыми судьями» и аллегорическимъ: «Время открываетъ Истину, и первое дитя Любовь или Амуръ приблизились посмотрѣться въ зеркало ея». Сей послѣдній болѣе прочихъ занимаетъ его, ибо изученіемъ наготы онъ болѣе всего интересуется.

А я, я... мнѣ суждено предвидѣть только славу художниковъ русскихъ, пріобрѣсти всеобщую ихъ довѣренность и

---

¹⁾ „Св. Ромуальдъ“. Копія эта была послана въ Петербургъ 28 февраля (12 марта) и получена тамъ 10 іюля 1833.

сказать Творцу моему: Нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ.

Но нѣтъ, роптать на жребій свой — значитъ роптать на Бога, роптать на Бога — значитъ себя мучить въ жизни сей. Итакъ, покуда еще не истощились на меня благодѣянія ваши, — занимаюсь, и буду заниматься до билета на обратный путь, а теперь, высказавъ нравственный успѣхъ мой, долженъ сейчасъ же сказать, что дѣлаю по искусству.

Пославъ къ вамъ эскизъ мой, я со всею моею силою изобрѣтательною сочинилъ новыхъ двадцать, питаюсь образцами жившихъ до меня художниковъ, учиться отъ коихъ я нынѣ имѣю полные отъ васъ способы — пенсионеръ я вашъ! Дошедши, наконецъ, до посильнаго мнѣ совершенства въ композиціи, я подвергнулъ оныя (эскизы) сужденіямъ художниковъ, и преимущественно выбралъ судьей своимъ одного изъ отличнѣйшихъ нѣмецкихъ живописцевъ — благочестиваго Овербека, не столько славнаго исполнительною частью, сколько сочиненіями — человѣкъ весьма образованный онъ! Онъ мнѣ замѣтилъ, что предметъ мой есть эпизодъ исторіи Іосифа; всякій эпизодъ не долженъ быть большой картиной, ибо привходящая часть исторіи есть, и потому лучше выбирать сюжеты для большихъ произведеній, составляющіе цѣлый объемъ чего-либо (поэму). Съ этой мыслью занялся я снова отысканіемъ для себя сюжета: прислушивался къ исторіи каждаго народа климата умѣреннаго, прославившаго себя дѣяніями, и нашелъ, что выше евреевъ ни одного народа не существовало, ибо имъ ввѣрено было свыше разродить Мессію, откровеніемъ коего начался день человѣчества, нравственнаго совершенства, или, что все-равно, познать вѣчносущаго Бога! Такимъ образомъ, идя вслѣдъ за алканіемъ пророковъ, я остановился на Евангеліи — на Евангеліи Іоанна! Тутъ, на первыхъ страницахъ, увидѣлъ я сущность всего Евангелія — увидѣлъ, что Іоанну Крестителю поручено было Богомъ приуготовить народъ къ принятію ученія Мессіи, а, наконецъ, и лично представить его народу!

Сей-то послѣдній моментъ выбираю я предметомъ картины моей, т.-е. когда Іоаннъ, увидѣвъ Христа, идущаго къ нему, говоритъ народу: «Се агнецъ Божій, взявляя грѣхи

міра! Сей есть, о немъ же азъ рѣхъ: по мнѣ грядеть мужъ, иже предо мною бысть, яко первѣе менѣ бѣ. И азъ не видѣхъ его, но да явится Израилеви».

Предметъ сей никѣмъ еще не дѣланъ, слѣдовательно будетъ интересенъ уже и по новизнѣ своей.

Въ заключеніе скажу: у насъ новый посланникъ — его сіятельство графъ Гурьевъ. При представленіи нашемъ къ нему онъ объявилъ себя намъ блюстителемъ всякой правды, но въ то же время признался, что многихъ совѣмъ изъ насъ не знаетъ, и потому я прошу въ семъ случаѣ вашего вспомошествованія: познакомить меня рекомендательнымъ письмомъ къ нему, а такъ какъ я не одинъ пользуюсь вашими благодѣянiями,—Бруни и Лапченко тоже чувствуютъ существованіе Общества вашего,—то прошу въ семъ рекомендательномъ письмѣ помѣстити всѣхъ трехъ насъ, къ вамъ признательныхъ.

XVII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Весна 1833.)

Всякое замедленіе, съ которой бы оно ни было стороны, вводитъ въ большое сомнѣніе и безпокойство, вслѣдствіе чего я сотворилъ безпорядокъ: послалъ къ вамъ письмо, не получивъ отъ васъ, и на третій день по отправленіи получилъ давно ожидаемое.

Крайне жалѣю, что дѣломъ Засена ¹⁾ надѣлалъ вамъ нѣкоторыхъ неприятностей; не буду болѣе васъ утруждать онымъ. Нашъ Засень все-еще держится кое-какъ: снисхожденіе покупателей его вещей и терпѣніе заимодавцевъ протягиваютъ полугодные дни его.

Вчерашній день Лапченко получилъ письмо изъ Петербурга, гдѣ извѣщаютъ его о прибавкѣ пенсіона, вмѣсто 1,500 руб.,—2,500 руб. Восхищаяся такою милостью, онъ теперь

¹⁾ Живописца.

ждать только извѣстiя о родителяхъ. Писать ему о семь предметѣ болѣе некуда и некому, и потому (онъ) ждетъ съ нетерпѣнiемъ отвѣта на то письмо, которое черезъ васъ послано.

Графъ Воронцовъ давно въ Петербургѣ. Не знаю, вспомнили ли вы о томъ, что я вамъ не задолго передъ симъ писалъ. Весьма сожалѣть буду, если вы упустили сей прекрасный случай просить о вспомооществованiи воспитанiю Серенжъ. Желая также знать, что сказалъ Красовскiй на мое письмо. Но если и тамъ, и тутъ навсегда уже упущено, или не могло быть, то ужъ, дѣлать нечего, отдайте его въ Академiю. Генеральное приготовленiе въ наукахъ я желалъ бы дать (ему) гораздо большее, нежели въ нашей Академiи, и всегда полагаю, что въ 16-тъ лѣтъ не только не поздно начинать какое-либо художество, но, напротивъ, развитый умъ всегда способнѣе и толковѣе изучать будетъ художества, если возмѣетъ къ сему наклонность. Впрочемъ, сколько я могъ замѣтить, онъ всегда успѣвалъ въ ариеметикѣ: слѣдовательно, способнымъ его находили къ математическимъ наукамъ, но это можетъ оттого, что онъ тогда имѣлъ хорошаго наставника по сей части, г-на Спирро. Но какъ бы то ни было, а нужда заставляетъ согласиться съ настоящимъ, и (я) съ прискорбною душою соглашаюсь, чтобы юноша поступилъ въ хаосъ безтолковыхъ методъ наукъ въ нашей Академiи Художествъ,— а письмо сiе да будетъ ему въ памятникъ, что нужда и крайность дѣлають. Я всегда думаю, что, во-первыхъ, должно получить общее образованiе, а въ 15—16 лѣтъ самъ юноша скажетъ, къ чему онъ болѣе имѣетъ охоту. Дѣйствовать вопреки его охотѣ, вопреки его природнымъ наклонностямъ— значить противиться Богу, взывающему его посредствомъ наклонностей заняться тѣмъ, что ему суждено непремѣнно.

Отъ Григоровича я еще ничего не получалъ, а прежде его письма не могу рѣшиться ѣхать въ Венецiю. Жалѣю весьма, что вы забыли фамилiю того члена Общества, который ѣдетъ сюда въ Римъ; я даже не знаю, успѣю ли я въ сей рекомендацiи Григоровича— развѣ сей членъ Общества особенно захочетъ меня самъ отыскать.

Я удивляюсь, что вамъ такъ нравится Габерцетелева копия; я полагаю, что Академiя, сравнивъ ее съ прекраснымъ

рисункомъ Рафаэля Менгса, глядѣть на нее не станеть. О, еслибъ вы видѣли оригиналь! Онъ неизъяснимо оконченъ—и свѣжѣе всѣхъ картинъ, какія существуютъ.

Эскизы мои, я думаю, вы уже видѣли; пожалуйста, не забудьте написать, кто что объ нихъ говорить, и вмѣстѣ съ симъ не падите меня своимъ мнѣніемъ, ибо я полагаю, что они суть предшественники какой-то новой композиціи, которую выбьютъ изъ моей головы подобныя критики. Благодарю васъ за то удовольствіе, которое вы мнѣ доставили разсужденіемъ о жизни художника и за справедливые ваши художественные ропоты на срочныя наши работы.

Вы мнѣ дали такую задачу, которую исполнить нужно болѣе времени, нежели я имѣю въ самомъ дѣлѣ. Красоты Италіи или въ особенности Рима описать весьма трудно, по разнообразности, многосложности и невыразимости оныхъ. Садовъ, воображаемыхъ вами, здѣсь совершенно нѣтъ, а еслибъ и были, то не составляли бы удовольствія въ такой странѣ, гдѣ за рубль можно имѣть столько разныхъ фруктовъ, что у насъ и за двадцать едва бы имѣли. Да вообще сказать надобно, что изобиліе скоро пресыщаетъ глазъ, и на груди персиковъ, абрикосовъ, апельсиновъ смотришь какъ и на бруснику.

Здѣсь ѣдятъ гораздо менѣе, нежели у насъ: легкій и теплый климатъ не терпитъ объѣденія. Рисовая каша съ сыромъ и масломъ и небольшой кусокъ говядины составляютъ обыкновенно мой обѣдъ; ужинъ — салатъ съ кускомъ жаркого. Вино здѣсь заступаетъ мѣсто охоты къ ѣдѣ—стаканъ стѣить 10 копѣекъ,—я выпиваю иногда и два. Кто не употребляетъ вина, тотъ ослабѣваетъ, безпрестанно потѣеть и подверженъ бываетъ лихорадкѣ. Здѣшнее вино тѣмъ еще хороше, что даже при сильномъ его употребленіи не производитъ никакого неудовольствія на другой день.

Продолженіе впредь. Извините, что все пишу какъ попало: право, подумать некогда.

XVIII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Лѣто 1833.)

Батюшка!

Наконецъ я получилъ письмо ваше, хотя полное бѣдъ, но все лучше безотвѣтности. Я теперь самъ знаю, что я не сдѣлалъ ничего для погибающихъ товарищей моихъ: глядѣть холодно на умирающаго, не обращать вниманія на трепещущій голосъ близкаго въ тюрьмѣ и не доставить слѣпому другу изъ себя вожатаго,—я былъ не въ моихъ силахъ. Я еще имѣю совѣсть и сохранию ее какъ сокровище.

Я не получалъ, однакоже, вами посланной тысячи рублей. Вѣроятно, вы послали ее неисправно, и потому прошу васъ выслать мнѣ второй вексель ¹⁾).

Бруни, тронутый кончиною отца своего, согласился дать Засену тысячу рублей, сказавъ мнѣ черезъ слугу, что онъ болѣе сей суммы не можетъ его ссудить. Яненко сказывалъ, что Константинъ Тонъ обязывается заплатить и мнѣ и Брюлло издержки, на вояжъ Засена употребленныя. Сходите, пожалуйста, вы, батюшка, къ Тону, и попросите, пожалуйста, ускорить его обѣщаніе. Еще я бы желалъ, чтобы вы написали письмо къ Брюлло обо мнѣ и, напомнивъ ему слегка о вашихъ для него стараніяхъ въ его молодости, просили бы, чтобы онъ, уважая васъ, согласился быть моимъ совѣтникомъ по искусству.

¹⁾ Тысяча рублей отъ А. И. Иванова была послана А. А. Иванову въ юнѣ и получена имъ въ іюль 1833.

XIX.

КЪ В. И. ГРИГОРОВИЧУ.

(Римъ. Лѣто 1833.)

Опять получилъ я письмо отъ родителей, и снова задумался: въ какую ужасную пропасть завели меня прошедшія обстоятельства. Я даже отчаяваюсь, чтобы можно было мои дѣла поправить. Если взять все прошедшее по порядку, то, конечно, я менѣе буду виноватъ. Если, напримѣръ, вообразить, что художникъ, читая книгу, входитъ въ душу каждаго дѣйствующаго лица самымъ глубокимъ образомъ, или самъ дѣлается онымъ, то мудрено ли, что въ пылкія лѣта, когда человѣкъ начинаетъ бороться со страстями, или дѣлать первый шагъ въ свѣтъ, растроганный положеніемъ слѣпаго друга (Лапченки), доведенъ до бѣшенства. Но кто захочетъ разсудить глубоко?

Не знаю, ничего не знаю, къ чему ведутъ меня судьбы. Вся надежда у меня на Бога: если онъ выведетъ меня изъ горькаго моего положенія, то отечество мое увидитъ, что въ благодарность напишу картину и посвящу ее Обществу благодѣтелей моихъ.

Вы не повѣрите, въ какой я нахожусь ипохондріи. Я говорилъ съ Брюлло, предлагалъ ему написать легкое извиненіе за прежній его поступокъ съ Обществомъ, на что онъ никакъ не соглашается; впрочемъ, онъ перемѣнилъ со мною обращеніе, сдѣлался снисходительнѣе и доступнѣе.

XX.

КЪ В. И. ГРИГОРОВИЧУ.

(Римъ. Осень? 1833.)

Такъ какъ мы уже дожили до такого времени, что историческіе живописцы и скульпторы наши начинаютъ развиваться къ политической славѣ великаго нашего отечества, то пора бы уже предложить, гдѣ слѣдуетъ, выстроить особыя, всегда открытыя для публики залы для помѣщенія будущихъ произведеній по исторической живописи и скульптурѣ отечественныхъ художниковъ. Изъ Кабинета Его Величества, что у Аничкова моста, удобнѣе всего было бы сіи залы устроить. Для сего строенія (можно) выписать отсюда славнаго нашего архитектора Ефимова. Залы сіи должны быть высокія, обширныя, и соверху пущеннымъ свѣтомъ. Въ нихъ будутъ засѣданія общества любителей словесности, любители музыки будутъ давать концерты, тутъ же будутъ художественныя афиши, въ которыхъ будутъ извѣщать объ успѣхахъ иностранцевъ и нашихъ по всѣмъ отраслямъ искусствъ.

При входѣ и выходѣ изъ залъ, всегда открытыхъ для публики, будетъ находиться кружка для добровольныхъ пожертвованій для успѣховъ художниковъ: суммою этою мы будемъ распоряжаться съ общаго согласія, такъ чтобы каждый получалъ часть, смотря по важности производимаго имъ предмета. Съ открытіемъ сихъ залъ извѣститъ публику, что если нравятся таковыя храмы искусствъ, то начинать складываться для постройки другаго, ему подобнаго.

XXI.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Конецъ 1833.)

Батюшка! Вы не можете себѣ представить ту радость, какую я чувствую при полученіи вашихъ писемъ. Съ нѣкотораго времени особенно они сдѣлались единственною пищею души моей. Я теперь опять начинаю заниматься своимъ дѣломъ, но по временамъ все-таки приходятъ мысли о прошедшихъ моихъ поступкахъ—я тогда бываю мученикомъ.

Признаюсь вамъ откровенно, что я иногда клянусь тотъ день, въ который выѣхалъ за-границу: учиться въ чужой землѣ русскому необходимо и весьма пріятно, но отрываться отъ дому родительскаго, быть далеко и пить отраву непрерывныхъ непріятностей, хоть гдѣ, такъ скучно. Что касается до вашихъ сужденій о Микель-Анджело, то они весьма основательны; я только прибавлю то: если весь плафонъ Микель-Анджело навсегда останется безсмертнымъ по приему въ рисунокѣ, композиціи драпировокъ и головъ, то копировать часть его—мысль несчастная.

Весьма благодарю васъ за доставленное мнѣ понятіе о выставкѣ академической, а равнымъ образомъ и за наставленія, какъ мнѣ должно себя вести. Но можно ли быть мнѣ всегда одному, особливо мнѣ, столь легко отдающемуся жестокой меланхоліи?

Я не думаю копировать ни «Сивилль», ни «Диспуту», и теперь приготавливаюсь къ большой картинѣ, гдѣ бы я въ двухъ фигурахъ могъ показать и наготу, и понятіе мое о драпировкахъ; желаю только, чтобы необходимость ваша имѣть меня при себѣ не пресѣкла ея окончаніе.

